19

Калуга. 1861 г.
Июня 28.

Ваше письмо от 13 июня чрезвычайно огорчило меня. Досель не возьму въ [illegible]толкъ, какими побужденiями оно вызвано. Неужели Вы рѣш[illegible]сь ругать изъ Москвы меня на томъ единственномъ основанiи, что я не уплатилъ до настоящаго времени должныхъ мною денегъ Ив. Д-чу?

Если такъ, то Вы болѣе нежели не правы. — О томъ, что я долженъ деньгами Ив. Д-чу, я очень помню и никогда не забывалъ. Досель не уплатилъ ему своего долга потому, что бралъ ихъ не на опредѣленный срокъ. Если Вы своихъ словъ не забываете, то конечно вспомните, что Вы сами говорили, что этотъ долгъ можетъ быть уплачиваемъ хоть въ теченiи десяти лѣтъ. Потому-только я и взялъ эти деньги. Вспомните, я не просилъ ихъ ни у Васъ, ни у Ив. Д-ча и высказалъ нужду въ нихъ только въ слѣдствiе настойчиваго Вашего желанiя знать мои собственныя

обстоятельства. Я никогда не думалъ, что Вы деньгами, данными мнѣ заимообразно Ив. Д-чемъ, (пріобрѣтаете) — купили право бранить меня и цинически, въ письмахъ — даже, острить надъ занимаемымъ мною положеніемъ въ обществѣ. Васъ я считалъ выше подобныхъ штукъ.

Успокойтесь, Алексѣй Егоровичъ! — Деньги Ив. Д-чу мною будутъ уплачены въ непродолжительное время. Въ первой половинѣ 1 года ему я перешлю половину долга, а остальную въ Августѣ сего же года. Я увѣренъ, что ~~на~~ онъ не заставитъ меня нести въ залогъ рясу и просить въ займы (къ займамъ я не привыкъ и, клянусь, въ первый разъ занималъ деньги только у ~~Ив.~~ Д-ча... и то, вѣдь Вы поблагопріятствовали) увѣривъ, что эти деньги могутъ быть уплачиваемы мало по малу). Помню, — Вы сами кому-то обязаны знакомымъ нашимъ были должны, нѣсколько менѣе той суммы денегъ, которую я долженъ Ив. Д-чу, и брали даже у него деньги на срокъ, но я зналъ положительно

знакомый нашъ не сдѣлалъ даже намека (Ваше) объ уплатѣ, хотя сроку платежа минулъ рядъ годовъ. А Вы меня, еще новичка въ займахъ, задолжавшаго десятки рублей и должавшаго на неопредѣленный срокъ, чуть не сажаете въ долговую тюрьму и при этомъ еще бранитесь такъ, что и въ презираемой Вами Калугѣ едва ли можно слышать, а тѣмъ болѣе читать, подобное красноречіе. Благодарю Васъ за то, что Вы не выставили меня печатно въ газетахъ должникомъ во сто рублѣхъ. Сказать правду, прочитавши Ваше письмо и такимъ образомъ узнавши Ваше расположеніе ко мнѣ, я ожидалъ и такой мести.

Месть — дикое слово, страшное въ понятіяхъ "порядочнаго общества". — Да, за что же Вы мстите мнѣ, за что оскорбляете во мнѣ тѣ чувства, которые не покупаются и не продаются? Для меня было бы отрадно, если бы Ив. Д-чъ написалъ ко мнѣ, подобное письмо, такое какъ Ваше, — то онъ, а не

Вы. Онъ неувѣрялъ меня въ "дружбѣ" (сентиментально! но ваши письма всѣ съ такими словами), онъ не заманивалъ меня въ свою квартиру и не говорилъ мнѣ сладкихъ, отшлифованныхъ рѣчей, не просиживалъ со мной цѣлыхъ ночей — и не ласкалъ мой слухъ привѣтливыми разговорами. Для чего же это все было? Неужели я былъ мишенью для Вашихъ прихотей, неужели Вы приглашали меня въ свою квартиру, повидимому такъ радушно, чтобы вдоволь посмѣяться надъ простачкомъ, надъ человѣкомъ, который еще не научился лицемѣрить.

А я все принималъ за чистую монету и не замѣчалъ, что Алексѣй Егорычъ сдѣлалъ изъ меня свою игрушку. Утѣшайтесь и радуйтесь! Я желалъ бы знать, кѣмъ Вы теперь замѣстили мое вакантное мѣсто?

Кстати, ради какой нужды Вы Ранчей припутали въ своемъ горячечномъ письмѣ ко мнѣ? Я вѣрю и знаю, что мое имя Вы отлично растрепали предъ семьею Ранчей и всѣми, гдѣ сочли нужнымъ. Но гдѣ нибудь, можетъ быть, Вы и убили меня и уничтожили мою репутацію, но я не думаю, чтобы Ранчи сочувствовали — Вашимъ возмутительнымъ рѣчамъ противъ меня. Истина рано или поздно должна открываться, какъ открылись Ваши истинныя чувства ко мнѣ 13 іюля 1861 года. Богъ съ Вами, Алексѣй Егорычъ, Вы оттолкнули у меня себя... Обидѣли Вы меня жестоко и своимъ письмомъ дали самое основательное! Урокъ мнѣ, на что бываютъ способны иногда люди. Простите тонъ моего письма. — Примите мою искреннюю благодарность за то прошлое, въ которое я былъ счастливъ съ Вами, за Ваше участіе, вниманіе, за Ваше хлѣбосольное гостепріимство, за все, за все. Думаю, что мы другъ къ другу болѣе не напишемъ, и при встрѣчѣ одинъ другаго узнаемъ). Надѣюсь также, что если встрѣтимся, о 13-мъ іюля помину не будетъ.

Доброй и шаловливой милой матушки Вашей и доброй Фанни поклонъ примите сердечный поклонъ. — Не сказывайте, пожалуйста, Вашей матушкѣ, что хотя и одно онъ разсчитался. Ради Бога! Вы ей меня не выставьте въ розовомъ свѣтѣ.

Многоуважаемый —

Алексей Егоровичъ!

Прибывши въ Москву на кратчайшій срокъ, мнѣ очень хотѣлось бы видѣться съ Вами. Это желаніе заставило меня пройти въ „Музей," но не заставши Васъ тамъ, я рѣшился оставить Вамъ эти строки. Крайне бы благодаренъ я былъ Вамъ, если бы Вы навѣстили меня сегодня или завтра! Адресъ мой: ~~[illegible]~~ Домъ Сазиково, въ меблированныхъ комнатахъ № 11 и 12-й на Тверской (противъ гостиницы Шевалдышева). Пожалуйста, хоть такъ, хоть иначе, надѣюсь повидать на себѣ!

Вашъ всесердечный

Прот. В. Амфитеатровъ

1868 г. 7 Авг.

Три желанія руководятъ моею рѣшимостью написать это письмо. 1е, чтобы оно дошло до Васъ, Алексѣй Егоровичъ; 2е, чтобы оно было прочитано Вами и 3е, чтобы оно выпросило у Васъ отвѣта. Вызвало мою рѣшимость адресоваться къ Вамъ — всегдашнее, пріятное воспоминаніе о Васъ и, скажу не-скрываясь, перечитываніе Вашихъ писемъ ко мнѣ за 55 — 60 годы. Полдня, не отрываясь, провелъ я за чтеніемъ ихъ, за чтеніемъ живой исторіи взаимныхъ нашихъ отношеній. Письма Ваши, что у меня сохранилось 58, полны ~~[illegible]~~ всеобъемлющей любви, горячаго участія и дружеской благожелательности ко мнѣ. И вотъ уже 6 лѣтъ, какъ ни одного пріятнаго звука, ни одной вѣсти отъ Васъ, дорогой и вѣчно-любимый мой Алексѣй Егоровичъ! Дочитавши Ваше послѣднее ко мнѣ письмо, помѣченное изъ Москвы 25 Мая 1860 г., (слѣдующее за симъ, о чемъ-то денежномъ дѣлѣ, Смотрачуфъ не сберегъ), искренно говорю, я содрогнулся... Продолженія письма не стало и — будто знакомъ человѣка намѣренно прервалось на самомъ важномъ актѣ и словѣ, высокое нужное слово, замерло въ одинъ мигъ, внезапно прерванное; погибло безъ отзыва въ самый счастливый и сердечный вѣчный мигъ... Вотъ это драма, страшная и живая, въ которой дѣйствующими лицами были Вы и я! — И, за что же она такъ мрачно, нелогически разрѣшилась? Какой преступный фактъ раздру-

жили наши отношенія и раздѣлили наши любови
и отъ измѣнили отношенія и прервали свиданія наши
только стало возможнымъ за Ахерономъ! — Ну, нѣтъ,
нѣтъ и нѣтъ! Я все еще вѣрю, что много
въ Васъ не все еще потеряно, что наша связь
воли, ума и чувствъ еще цѣла. Основы ея были
слишкомъ крѣпости и уничтожить ихъ не могла разъ-
бить никакая матеріальная и всякая сторонняя само-
вольная сила. Чувствуя въ себѣ еще присутствіе
той святой силы, вліяніемъ которой Вы, друг-
другъ, честными совѣтами и отеческими наставленіями,
стали укрѣплять мой духовный организмъ, я
еще смѣло, не по нахальству, а по разумному
убѣжденію пишу къ Вамъ и вѣрю что мы не
кончили между собой, что недоговоренное между нами
можетъ ~~[illegible]~~ договориться и досказываться....
Длиннѣе много прова и дай Богъ, чтобы она вы-
держала ~~[illegible]~~ отвѣтъ.

Въ настоящемъ письмѣ я не буду много говорить о се-
бѣ, о своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Говорить объ
этихъ предметахъ — значитъ затянуть Лазаря и
жалобливымъ голосомъ выпрашивать милостыню, или
пуститься въ Рудинизмъ и искать въ лицѣ Вашемъ
образъ Лежнева. Но я не способенъ ни къ первому, ни
ко второму и потому что ни то ни другое не идетъ
ко мнѣ, да и потому, что настоящее посланіе
къ Вамъ отправляется съ единственною цѣлію знать
(не по любопытству, а по требованію всей моей субстанціи).
Забыли ли я совсѣмъ Вами, или (такъ же какъ по прежнему

ничество и никто не обвиняетъ/ вне сомнѣнія, какъ чело-
вѣкъ враждебно оскорбившій Ваши моральныя стремленія,
или же осталось и у Васъ еще ~~на меня~~ обо мнѣ
если не искры, то хоть угасающій пепелъ ~~ни которой~~
доброй памяти. Вотъ мои вопросы и несвоевремен-
ность [illegible]. Не самолюбіе ихъ спроситъ, но
все мое бытіе я (конечно, что повторю), но все
бытіе мое я, помимо своихъ его качествъ и досто-
инствъ ни годы, ни разнообразныя приключенія мор-
[illegible] еще не искоренили правильнаго образа мыш-
ленія и благодарности.

Два раза я былъ въ Москвѣ, въ минувшемъ году.
И въ одинъ разъ покусился найти адресъ Вашей квартиры,
выслѣдилъ на дорогѣ ея, но не попалъ все таки въ нее.
Вы были въ это время, мнѣ сказали, въ Питерѣ, потому
(на дверь [illegible]) [illegible]
скій помогъ/ я, при лунномъ свѣтѣ написалъ
записочку, поручивъ передать ее Вашей кухаркѣ...
Не получивъ на эти каракули отвѣта отъ Васъ, въ
другой разъ я [illegible] и не пошелъ къ Вамъ, хотя
жилъ цѣлую недѣлю неподалеку отъ Васъ/ Прожилъ
[illegible], былъ въ Музеѣ, видѣлъ всѣхъ (!)
~~театра~~ у [illegible]/
[illegible], кромѣ Славянск. археолог. отдѣла.
Ваши ученики были [illegible] и Васъ въ Музеѣ не было.
[illegible], я даже не спросилъ ни у кого — о [illegible]
[illegible]. [illegible] свидѣтели
Вашего отсутствія. [illegible]
[illegible] я, не знаю почему, [illegible] фигуру, [illegible]
[illegible] — и — и — и возвратился въ домъ свой... Еще, въ
[illegible], въ 65 году, въ альбомѣ Люб. В—ны видѣлъ
~~[illegible]~~, [illegible] фотограф. карточку, но полюбовавшись ею, я
даже не посмѣлъ заговорить о ея ~~оригиналѣ~~ живомъ —; хотя
Ел. В—а и вся [illegible] Троицкіе вызывали нѣсколько
много разъ / они еще и досихъ поръ въ наше обособленное
[illegible] существованіе... — Если мое сіе [illegible]

Вами принятые милосердно [illegible], пославшие отвѣтные мнѣ и приношеніе своей [illegible] карточки. Въ моей хронической слабости Вы ~~[illegible]~~ тотчас знакомы и такъ уважаемы и любимы. — А я своего несчастного одного рисунку Вамъ послал, бы [illegible]. Хотя Вы и увидите, что —

Итакъ, Господь благослови новое лѣто и новые дни!

Вашъ, вашъ, вашъ и вашъ

В. Амфитеатровъ

PS. Не могу кончить письма, чтобы не сказать, что два слова Ваши, прилагаемые у меня подписаны: „Вашъ, вашъ, вашъ и вашъ до конца дней А. Львовъ. (1859 г. Дек. 27 д. 1860 г. 8 февр.). А если они даже мнѣ такіе заявл[ені]е, то почему же я не смѣю отозваться на пару словъ, не маловажные сказавшему? Да. Почему нѣтъ?

Адресъ мой: въ г. Лихвинъ (Калужской губерніи) Протоіерею Валентину Амфитеатрову.

~~[illegible]~~ За оказанные въ Подписанной мною просьбѣ и за обѣщанные въ письмѣ точности. Что написалъ, то и написалъ.

г. Лихвинъ

1861. 27 Мая.

Примите это на дорогу, мой добрый землякъ. Пѣшкомъ путешествовать опять не совѣтую. Тяжело, а ваше здоровье не крѣпко. Е. Л.

26 9

Милый ~~пре~~добрый

Алексей Егоровичъ!

Съ Новымъ годомъ! — Пишу къ Вамъ на почтовыхъ.

Вы меня позабыли и не отвечаете на мои письма.. ну богъ съ Вами совсемъ!

Пожалуйста примите отъ меня 76 штучекъ въ свою библіотеку. Надеюсь, что они не будутъ лишними въ Вашей библіотеке какъ археолога.

Я былъ очень боленъ и приговоренъ къ смерти, но Богъ спасъ меня.

Буду писать къ Вамъ скоро и много. Но прежде напишите Вы.

Книги сіи получите отъ Николая Ивановича у Пречистенскихъ воротъ въ 1й гимназіи у Надзирателя Больницы Лаврентія Ивановича Луносскаго [?], куда отправьтесь и спросите Студента Медицинскаго Факультета Николая Ивановича [?] — хорошій человекъ. — Къ нему Вы отправьтесь сами въ 4 часа. Ну, прощайте, досвиданья.

Вашъ

В. Андреевъ [?]

Предобрейший и премногочтимый

Алексей Егорович!

В 7 ч. вечера приехал в Москву, а в 8 ч. того же вечера, т. е. сего дня, явился к Вам [illegible] и многими. Хотя не удалось и быть [illegible] [illegible] совсем видеть Вас, за то я узнал, что Вы живы, здоровы и благоденствуете. Желаю Вам всего доброго, искренно желаю. Жаль, что не пришлось полюбоваться на Вас, драгоценнейший Алексей Егорович! [illegible] в другой раз.

[illegible] [illegible] на в[illegible] драгоценнейшего [illegible] [illegible]! № 148,

[illegible] Больш. театра.

Пишу [illegible] [illegible] Ваш всегда В. Александров.

28

Высокопочтеннѣйшій

Алексѣй Егоровичъ!

Неужели мнѣ ~~т~~ суждено, бывши въ Москвѣ и не видать Васъ? Если Вы дома, то будьте добры удѣлите мнѣ часокъ времени. Жду Васъ к себѣ завтра цѣлое утро до 12 часовъ дня. — Я ѣду въ Петербургъ и останусь завтра тогда уѣду, впрочемъ, если не увижусь съ Вами.

Искренно преданный Вамъ

В. [illegible]

Адресъ мой [illegible]: 4е отдѣленіе Челышевской Гостиницы, № 145й.

Добрѣйшій Алексѣй Егоровичъ!

Виноватъ я! и ни слова больше. Впрочемъ, надѣюсь и вѣрю, что Вы снисходительно простите мнѣ. Въ настоящее время, в иную пору отправлюся отсюда <u>dala</u> (!!!), часа въ три пополудни, а быстрою рѣчью поспѣшу къ Вамъ ~~[illegible]~~ изъявить чувства моей благодарности за Вашу помощь и послушаніе Вамъ... Вчера, о Васъ спрашивалъ Егоръ Васильевъ, онъ думалъ, что Вы уѣхали съ О. Порфиріемъ, а я немного далъ ему о Васъ удовлетворительнаго отвѣта. Извините за безпорядокъ настоящихъ строкъ. Ш этомъ Вы видите, какъ я занятъ!

Вашъ покорнѣйшій слуга

В. [illegible]

30 2

Очаровательнейшій и полу-
божественный А. Егор.!

Мы съ Надиной въ нашемъ саду. Если желаете увидѣть насъ скорѣе, то можете найти насъ тамъ.

[illegible]

20 Февраля
1862
Калуга

Высокопочтеннѣйшій

Алексей Егоровичъ!

Въ уплату должныхъ мною, Ивану Димитріевичу Бердникову, денегъ, посылаю 75р. — Остальную же сумму вышлю немедля, только Васъ прошу покорнѣйше выслать ко мнѣ мое сочиненіе (въ рукописи) "объ Ангелѣ-Хранителѣ", находящееся порукою у И. Димитріевича. Оно будетъ напечатано скоро и деньгами, вырученными за него я удовлетворю и Васъ и Ив. Д-ча.

Посылаю къ Вашей [illegible] и [illegible]. Живо и вѣрно получите вѣрно.

отъ Вадима Семеновича Раича, или отъ Василія Степановича [illegible]. Извините, что я останусь предъ Вами неисправимымъ должникомъ, [illegible] въ обстоятельствахъ этомъ виновато мое очень-небогатое состояніе.

Особенно [illegible], единичное [illegible], и особенно своимъ [illegible] — сами поцѣлуйте прелестной [illegible] и мой благодарно-нижайшій поклонъ Вашей матушкѣ.

Имѣю [illegible] счастіе и всегда преданный Вамъ до мо-гилы [illegible]

В. Л., Благовѣщенскій Священникъ

P.S. Не позже трехъ недѣль по полученіи отъ Васъ моей статьи буду

Выноситъ мой дочь, успокой. Будь
добра, пожалуйста мнѣ самымъ любезн
всѣмъ въ такомъ довольна и смотри
ихъ. Дмитріевичу.

А.

21 19

Высокопочтеннейший

и

Счастливейший

Алексей Егорович!

Только сего дня утром, из письма Nadin Строевой, я узнал, что в Вашей жизни произошла важная перемена. Она пишет мне, что Вы женились и пишет, что это известие для меня уже не новость. Как не новость? Новость первой, огромной величины. Из всех новостей, во всю жизнь меня интересовавших, новость эта для меня самая интересная, радостная. Жалею только одно, что я не до узнал ее. — ~~[illegible]~~ Но в ту же минуту, как узнал ее, я начинаю писать к Вам.

Отъ всей души радуюсь, что наконецъ начали въ ~~новую~~ новую жизнь, полную счастія и <u>цѣлую брачную</u>. Не знаю кто Ваша жена, но увѣренъ ~~знаю~~, что она совершенство. Знаю Вашъ характеръ, Ваши убѣжденія, и считаю свое заключеніе безошибочнымъ. Поздравляю Васъ, добрый Алексѣй Егоровичъ, съ этимъ хорошимъ пріобрѣтеніемъ, равно и поздравляю Вашу жену. Какъ любящій Васъ, помнящій Ваше добро, много обязанный, желаю Вамъ счастія полнаго, всегдашняго. И вѣрьте, что мои благожеланія — искренни. Я уважаю Васъ и люблю, хотя по воли судебъ или по человѣческому капризу въ размолвкѣ мы. Но такъ тому и быть!!!

Искренно Васъ уважающій

В. Сидор—въ.

6 Мая 1862.

Прошу Вас, Алексей Егорович, сказать
И. Д-чу, что я ему свой долг помню.
И если не уплатил всего до настоящего
времени, то не потому, что (как Вы предпола-
гали) не хотел сказать более, а оттого что
не имел свободных денег. Прошу его еще немного потерпеть,
а если уж невмочь, то пусть сами их
взыщут; я постараюсь расплатиться.

Высокоуважаемый

Алексей Егорович!

Пишу к Вам только вследствие крайней недосужности и пишу за тем, чтобы попросить Вас поступить на меня долг 50 р. сер. до сентября м-ца. Затем к Вам послать было еще в Мае м-це мне добавило, но о том, что они сделали достовлено, повидимому? я только узнал сегодня и сейчас. Подполучаю, четвертого достопочт. И. Дмитриевича, что я недостаточно долго и семьи Вы знали все обстоятельства мои, т.е. сколько знаю Вас, Вы рассудили его послать ко мне участливое послание, хотя очень. Я получил недавно. Тем, по мне, лучше бы семьи дело о моем просроченном

долги), тошно иным путем, которые мне грозят, иными бранными. Кланяюсь Вам, я не-заплачено в срок долговые моих, которая именно по обстоятельствам, весьма не благоприятные мои вину. Прошу Вас, Алексей Егорович, поверить мне на слово... Когда ни-будь вы узнаете всю историю и тогда может быть не осудите, а похвалите, по крайней мере — не осудите меня за то, что я не сдер-жал слова.

Вам я скоро напишу большое письмо и буду просить в нем Вас кое о чем, — конечно не о деньгах.

Будьте здоровы и благополучны. Мой и моей жены нижайший и доброжелательный поклон Вам и супруге Вашей (Акулине, положим, т. е. положим, как звать Вашу маму и проч.)

Искренно Ваш любящий

В. Л.

Да, что ж Ваша матушка? Где она? — Рада хоть узнать у И. Д-ча, что я выслал и не послал.

относительно от того, что было. Такого грѣ-
ха, ей-богу, за мной почти и не бывало. Толь-
ко не говорите ему и о том, что он
ко мне пишет <u>строгие</u> письма. Я сознаю
и считаю его в таком тоне даже спра-
ведливым. Он имеет большое право сер-
диться на меня за деньги — 50 р., ему
должные.

31

ВАГУВ

26

Многоуважаемый

Алексей Егорович!

Малютка Викторов, живущий в Полтавской, усердно просил меня доставить к Вам письмо сие, при сем прилагаемое.

Всегда Ваш покорн. слуга

В. Алфимасов.

Малова. 1873 г. 23 Ноябр.